

В прошлый раз Чу Чжоу потратил целых несколько дней на работу, которой хватило лишь на одну овцу, но, вернувшись домой, обнаружил, что обмененных жрецом целебных травы на продовольствие им хватит на несколько дней вперед. Тогда они сговорились: пока деревенские жители приносят рис и муку, Чу Чжоу может не ходить на заработки, а отправится искать работу только тогда, когда еда закончится.

Чу Чжоу, усадив Ибама себе на колени, корнил его мелко нарезанной едой, которая приходилась по вкусу маленьким детям. Пока жрец готовил обед, он украдкой попробовал кусочек — на самом деле вкус оказался вполне неплохим.

Маленький Ибама, заметив, что тот ворует еду из его тарелки, решил, что старший брат ужасно проголодался. Когда Чу Чжоу поднес к его рту следующую ложку, малыш с сожалением подтолкнул ложечку к его губам и тихонько пролепетал:

— Дьэ-дьэ, кюшать.

Видя, как он, несмотря на всю свою жадность, делится с ним едой, Чу Чжоу в прекрасном настроении откусил большой кусок.

— QAQ! — Ибама с болью в сердце смотрел на исчезающую еду, но в следующий миг увидел, как Чу Чжоу снова зачерпнул полную ложку и отправил себе в рот. — ! Дьэ-дьэ!

Ложка в руке Чу Чжоу сделала замысловатый маневр и угодила в рот сидевшему у него на коленях пухлому комочку. На самом деле он и не собирался продолжать трапезу, просто ему было забавно наблюдать за реакцией маленького Ибамы.

Проглотив еду, Ибама в знак компенсации чмокнул его в щеку, но руки крепко-накрепко вцепились в собственную мисочку.

— И почему ты так голоден? — жрец вошел в комнату с тарелкой в руках, явно наблюдавший за этой сценой уже довольно долго. На его лице неизменно играла мягкая улыбка, которая не менялась даже тогда, когда он погубил человека.

В последнее время они жили относительно мирно, и жрец по-прежнему поддерживал образ мягкого и нежного человека. В повседневном общении Чу Чжоу то и дело забывал о его хладнокровной и безжалостной натуре. Вот только стоило ему поиграть с Ибамой, как, словно по заказу, жрец неизменно оказывался рядом и незаметно наблюдал со стороны.

Чу Чжоу принял миску и равнодушно отозвался:

— Угу.

Жрец ничуть не рассердился и с улыбкой произвел:

— Сегодня удалось раздобыть семена овощей, так что теперь мы сможем посадить кое-что во

дворе.

Чу Чжоу:

— ...Хорошо.

Ему все время казалось, что он попал в этот мир исключительно ради земледелия, но откуда же это давящее чувство, будто он — глава семьи, обеспечивающий жену и детей?!

Победив и немного поиграв во дворе с маленьким Ибамай, Чу Чжоу наблюдал, как малыш, спотыкаясь, подбежал и уткнулся лицом ему в грудь, продолжая бормотать: «Дьэ-дьэ».

Чу Чжоу подхватил его на руки и направился в дом:

— Умница, научись произносить правильно, а сейчас пора спать.

Ибама послушно позволил себя унести и усердно кивнул:

— Угу! Дьэ-дьэ.

Лунный свет, подобно воде, безмолвно скользнул по телам прижавшихся друг к другу на кровати и постепенно растворился в темноте.

Его сменило сияние золотистого солнца, щедро залившего землю.

— Старший брат! — Чу Чжоу лежал на кровати и от скуки листал медицинский трактат по фармакологии из кабинета жреца — он прихватил его наугад, после того как поиски карты не дали результатов, — как вдруг Ибама стремительно влетел в комнату и бросился ему на грудь.

Ибама рос донельзя быстро: прошел всего год, а он уже выглядел лет на пять-шесть, совсем как обычный ребенок. Вот только он по-прежнему цеплялся за него, как и в раннем детстве, и стоило Чу Чжоу пропасть из виду, как малыш начинал кружить волчком от беспокойства.

— Старший брат! — заметив, что тот погрузился в задумчивость и не обращает на него внимания, Ибама с недовольством выдернул книгу у него из рук и швырнул ее на постель.

Чу Чжоу беспомощно опустил голову и мягко спросил:

— Что на этот раз?

Ибама устремил на него сияющие глаза:

— Тот человек сказал, что я могу учиться писать!

Под тем человеком подразумевался жрец; по неведомой причине Ибама испытывал к нему глубокое отвращение. За весь прошлый год Ибама видел лишь их двоих, но при этом льнул исключительно к Чу Чжоу — возможно, такова была детская интуиция.

Чу Чжоу погладил Ибаму по голове и похвалил:

— Какая умница.

— Я хочу, чтобы старший брат учил меня писать!

Чу Чжоу: ...Он ведь совершенно не умеет писать кистью.

— Послушай, пусть тебя учит братец-жрец, у твоего брата получается неважно.

— Не хочу, ни за что не позволю этому противному человеку учить меня! — Ибама твердо выказал свою неприязнь ко жрецу.

Чу Чжоу тяжело вздохнул — в конце концов, он сам тоже принадлежал к числу людей. Глядя на упрямый вид Ибамы, он мог придумать лишь компромиссный вариант:

— Тогда давай тренироваться вместе со старшим братом.

В кабинете.

Жрец посмотрел на сидевших напротив него взрослого и ребенка и, ничуть не смущаясь свирепого взгляда Ибамы, мягко улыбнулся Чу Чжоу:

— Ты тоже собираешься заниматься?

Чу Чжоу кивнул.

Улыбка жреца стала еще шире:

— Как замечательно.

Во время прописей Ибама исписал целую страницу собственным именем и поднял голову, ожидая похвалы.

Чу Чжоу взглянул на кривые-косые каракули и мысленно злорадно расхохотался, однако сохранил на лице суровое выражение, чмокнул малыша в щеку и похвалил:

— Очень хорошо.

Ибама смущенно покраснел, притянул к себе исписанные Чу Чжоу листы — на них ясно красовалось его имя, написанное по настоянию старшего брата — и серьезно произнес:

— Брат тоже написал очень красиво!

Чу Чжоу посмотрел на свои собственные, столь же не поддающиеся никакой критике иероглифы «Ибама-додзи», и умолк. Выходило, что их с Ибамой уровень мастерства был абсолютно одинаков.

— А как зовут старшего брата? — вооружившись новым листом бумаги, с любопытством осведомился маленький Ибама.

— Я знаю, Сяо Чжоу же~ — хвастливо ответил сидевший рядом жрец. Увидев, как мгновенно переменилось лицо Ибамы, он улыбнулся еще шире.

Стоило ли столько внимания Сяо Чжоу какой-то заурядной программе с зачатками самосознания?

Он еще не осознавал, что зародившееся из любопытства чувство уже всюду давало всходы.

— Старший брат! — с упреком посмотрел на Чу Чжоу Ибама. Почему брат назвал свое имя в первую очередь этому противному человеку?!

— Тише, — успокаивающе погладил его по голове Чу Чжоу. — Брата зовут Чу Чжоу.

Ибама протянул руки, позволив Чу Чжоу поднять себя, громко чмокнул его в щеку и, сладко пропевши «братец Чу Чжоу», с вызовом покосился на жреца, с победным чувством заметив, как в улыбке того промелькнули темные нотки.

Хм, мог ли этот мерзкий человек вот так же поцеловать братца Чу Чжоу?

Чу Чжоу не замечал бушевавших между ними подводных течений; он лишь размышлял о том, не представлялся ли он жрецу раньше.

В конце концов Чу Чжоу так и не вспомнил, когда именно назвал жрецу свое имя — должно быть, просто случайно забыл об этом.

Ибама сменил тренировочные иероглифы со своего имени на «Чу Чжоу» и принялся выводить его черту за чертой, исписывая лист за листом. Заряженный его усердием, Чу Чжоу тоже взял себя в руки и принялся прилежно заниматься.

Жрец же сидел напротив, изредка отвечивая краткие наставления, а все остальное время его

взгляд неизменно устремлялся в сторону Чу Чжоу.

Сидевший напротив человек целиком сосредоточился на письме, совершенно не замечая его глаз. Твои опущенные вниз ресницы делали лицо исключительно мягким, кожа казалась почти прозрачной, а тонкие губы слегка сжались. Покопавшись в памяти, он смутно припомнил то мягкое ощущение...

Чу Чжоу вдруг почувствовал, как спина покрывается мурашками. Подняв голову, он увидел лишь то, как жрец задумчиво пялится на окно.

Странно, окно ведь закрыто, на что там смотреть?

Дни совместных занятий в кабинете тянулись своим чередом.

В этот день маленький Ибама, проснувшись после дневного сна и еще не открывая глаз, по привычке метнулся в сторону, но знакомые объятия почему-то его не перехватили.

— Брат? — он потер глаза и недоуменно огляделся.

Никого.

Обычно стоило ему проснуться, как он тут же падал в объятия старшего брата, тот откладывал книгу, прижимал его к себе, гладил по голове, и они вместе шли в кабинет. Но куда же он подевался на этот раз?

Ибама опрометью соскочил с кровати, даже не успев толком обуться, и выбежал из комнаты. Он бросился в кабинет — место, где они проводили больше всего времени; брат непременно должен быть там.

И точно: завернув за галерею, он увидел открытую дверь кабинета и стоявших внутри людей, чьи тела находились донельзя близко друг к другу. Он уже собирался радостно выкрикнуть «брат», но первый же слог замер на губах, мгновенно угаснув.

Он увидел, как этот ненавистный человек наклонился и поцеловал брата. А брат... не оттолкнул его.

Брат...?

Чу Чжоу на цыпочках выскользнул из спальни, прикрыл дверь и направился в кабинет.

У него отродясь не было привычки спать днем, и каждый раз, пока Ибама спал, он сидел рядом

с книгой в руках, вот только на сей раз он позабыл захватить новое чтиво.

Когда он подошел к кабинету, там как раз оказался жрец. Кивнув ему в знак приветствия, Чу Чжоу наугад выбрал том, собираясь возвращаться.

— Бац! — едва развернувшись, он обо что-то стукнулся. Потерев ушибленный и слегка побаливающий нос, он с недоумением поднял глаза на жреца:

— Что-то случилось?

— Я хочу сделать кое-что, — жрец протянул руку и легко коснулся его щеки. — Не сопротивляйся.

— Чт... — слово застряло в горле, как вдруг жрец подался вперед, сокращая расстояние, и его горячее дыхание обдало лицо.

— ! — испуганный Чу Чжоу поспешно оттолкнул его. — Ты что творишь?

— Я просто хочу тебя поцеловать, — невинным тоном произнес жрец вещи, в которых не было ни капли невинности.

Чу Чжоу:

— ...У этого парня что, вирус в голове?

Заметив его отгородившееся выражение лица, жрец помрачнел и со скорбным, почти жалобным видом протянул:

— Разве нельзя? Но ведь Ибама-додзи может тебя целовать.

Это ведь совсем другое дело — Ибама всего лишь маленький ребенок.

Чу Чжоу возразил:

— Ибама еще мал.

— А как же лисица-демон?

!! Погодите-ка, лисица-демон?

Чу Чжоу окончательно растерялся.

Разве это не самый обычный игровой мир? Пусть даже с наивысшим уровнем сложности SSR, это всего лишь игра, почему жрец знает о демоне-лисе из другого измерения?! И откуда ему известно настолько много... что еще ему ведомо?

Увидев, как тот застыл на месте, жрец наклонился и добился своего, впившись в его губы поцелуем.

Губы и впрямь оказались невероятно мягкими. Его боковой взгляд легко скользнул по дверному проёму, и в глазах промелькнула ещё более глубокая улыбка.

Чу Чжоу, едва отойдя от оцепенения, увидел перед собой приближающееся лицо.

Он оттолкнул жреца и пристально уставился на него: — Кто ты на самом деле такой?

Жрец облизнул губы, и его голос прозвучал мягко, словно тягучий мёд: — Ещё не время, ах.

— Когда же наступит это время?

Жрец покачал головой и с улыбкой сменил тему: — Только что к тебе заходил Ибараки.

— М? — Чу Чжоу повернулся к выходу, но там никого не было. — Куда же он делся?

— Возможно, рассердился, — с улыбкой предположил жрец.

Как...! Чу Чжоу вдруг подумал: когда Ибараки заходил, он ведь, возможно, предположительно, примерно в тот самый момент целовался со жрецом? Ибараки так сильно терпеть не может жреца, неудивительно, что, увидев их целующимися, он разозлился.

Он бросил взгляд на жреца и, колебавшись, всё же решил сначала проведать Ибараки.

Ибараки свернулся калачиком под одеялом, закутавшись с головой, и молча горевал.

Его братец позволил какому-то человеку поцеловать себя! Хотя только он сам, только он один имел на это право. Он так ненавидит этого человека, неужели братец теперь бросит его?

Во всём виноват этот проклятый человек, наверняка он обманул братца! Ненавижу, ненавижу, все люди, кроме братца, такие отвратительные!

Войдя в комнату, Чу Чжоу увидел на кровати огромный комок одеяла, который подрагивал и приподнимался.

Он присел на край кровати, мягко обнял Ибараки поверх одеяла и ласково произродил: — Малыш Ибараки, вылезай.

— Не хочу, — донёлся из-под одеяла голос с явными нотками слёз. — Братец меня больше не любит.

Чу Чжоу со вздохом похлопал по одеялу — с чего это Ибараки взбрело в голову такое? — и серьёзно сказал: — Я тебя не бросал. Братец будет всегда рядом с тобой, пока я тебе нужен.

— ...Правда? — Ибараки украдкой высунул наружу самую макушку, являя миру покрасневшие глаза.

— Правда. — Уж в этом мире он точно будет рядом с Ибараки.

Увидев, что тот кивает, Ибараки быстро отбросил одеяло и бросился ему на грудь: — Я уж думал, ты меня бросил.

Чу Чжоу крепче прижал его к себе, погладил по голове и легко чмокнул в заплаканную щёчку: — Ни за что.

— Тогда... можно мне поцеловать братца?

Полагая, что речь идет об обычных поцелуях в щеку или в лоб, Чу Чжоу кивнул: — Конечно можно.

Однако, почувствовав мягкое тепло на своих губах, он только тогда понял, что всё не так понял. Он отстранил Ибараки и строго произнёс: — Здесь нельзя.

Уголки рта Ибараки, только что взметнувшиеся вверх, мгновенно опустились, и он обиженно спросил: — Почему? Чу Чжоу не заметил этого и серьёзно пояснил:

— Целовать сюда можно только тех, кто друг другу нравится.

— Но я же люблю брата! Разве брат меня не любит?

— ...Люблю, — запнулся Чу Чжоу. Помедлив, он продолжил: — Это другая любовь. Любимого человека тебе хочется никогда не отпускать, быть с ним вечно.

Циму недоуменно спросил:

— Но я ведь тоже хочу всегда быть с братом!

Чу Чжоу: «...» Умоляю, хватит расспрашивать. Он сам еще никого не любил и не может толком объяснить.

— Это другое. Когда вырастешь — поймешь.

— Значит, брат любит того противного человека? — без особого любопытства спросил Циму.

Услышав, как Циму упомянул жреца, Чу Чжоу вспомнил о его таинственности и о том, что он до сих пор не знает, кто же этот человек на самом деле.

Он покачал головой:

— Конечно нет.

Циму чмокнул Чу Чжоу в щеку и рассмеялся:

— Я понял! Брат любит меня, и я больше всех на свете люблю брата!

Барьер

Когда Циму исполнилось четыре года, Чу Чжоу решил увезти его отсюда.

Узнав о его намерениях, жрец лишь усмехнулся и сказал, что Мальчик-Демон Циму не может покидать пределы этой деревни. Чу Чжоу, разумеется, не поверил. Его изначальный план как раз и заключался в том, чтобы уйти подальше от деревни и вырастить маленького Циму, и он все это время упорно к этому шел.

Пока он жил здесь, работал и понемногу расспрашивал о закупках, он постепенно изучил здешнюю местность, да и деревенские жители мало-помалу начали ему доверять.

В одну из лунных осенних ночей он тайком вывел Циму из деревни и двинулся по заранее спланированному маршруту, а жрец стоял у порога и с улыбкой провожал их взглядом.

Поскольку они подготовились заранее, они без труда поднялись на гору перед деревней — именно этой дорогой обычно ходили сельчане, отправляясь за покупками. Стоило только спуститься с этой горы, и они смогли бы покинуть здешние места.

Чу Чжоу только подумал, что все прошло подозрительно легко, как вдруг с глухим стуком во что-то врезлся. Он поднял голову, но перед ним ничего не было.

Чу Чжоу, только что мысленно похваливший себя за удачу, растерянно вытянул левую руку и осторожно пошарил впереди. Под пальцами ощутился ледяной, гладкий, но прочный барьер, похожий на стеклянную стену, хотя в лунном свете на ней не было заметно ни единого следа. Ибараки крепко сжимал его правую руку, широко раскрытыми глазами глядя на него, и с некоторой тревогой спросил:

— Брат, что случилось?

Чу Чжоу мягко погладил его по руке, успокаивая:

— Не переживай.

Однако в душе его царили сплошные сомнения. Не это ли имело в виду жрица, когда говорила, что Ибараки не может покидать деревню?

Он взял Ибараки за руку и обошел всю округу, но казалось, что на всех тропинках, ведущих с горы, в одно мгновение возникли непреодолимые преграды — пройти было нельзя нигде.

Он попытался выпустить руку Ибараки и в одиночку направился к барьеру.

Прошел насквозь.

В этот самый момент Чу Чжоу вдруг понял, почему еще никому не удавалось успешно выполнить задание — если, конечно, им доставался именно этот мир.

В прошлый раз, когда они фармили пробуждение, из-за появления его СР-персонажа Коле Цзичи и остальные возбужденно болтали и упоминали кое-что об условиях в мирах заданий.

Основываясь на их обсуждениях и аносах, которые он начал смотреть, Чу Чжоу примерно восстановил устройство игрового мира.

Предыстория, характер и события у одного и того же сикигами оставались неизменными. Это значило, что если множество игроков вытягивали одного и того же сикигами, то начальная точка входа в мир задания у них была абсолютно одинаковой, а весь мир начинал меняться ровно с того момента, как они приступали к действиям.

Выбранные игроком действия влекли за собой самые разные последствия, пока задание не завершалось или пока по истечении времени не наступал провал.

В случае провала игрок покидал мир задания, мир разрушался, а данные уничтожались.

Когда игроку удавалось успешно приручить сикигами, тот следовал за учетной записью игрока в неразумном состоянии — вплоть до пробуждения. Разумеется, когда игрок уходил, этот мир также подлежал уничтожению.

В данном же мире жрица, очевидно, была багом.

Она ранее говорила, что помогала только Чу Чжоу, но, судя по ее прежнему поведению, жрица, скорее всего, существовала во всех мирах. Без помощи жрицы, да еще с учетом того, что деревенские жители никогда бы по собственной воле не заговорили о той женщине и о «ребенке демона», очень немногие смогли бы узнать правду о посмертном браке и о местонахождении Ибараки. Скорее всего, они сочли бы эту деревню чем-то вроде стартовой локации, а выбравшись оттуда, поклялись бы больше никогда сюда не возвращаться.

Но стоило им перестать приходить в эту деревню, как выполнение этого задания становилось навеки невозможным — ведь Ибараки не мог отсюда уйти.

Даже если бы кто-то отыскал Ибараки и понял, что перед ним СР-персонаж этого мира, само по себе исполнение заветного желания ёкая представлялось задачей колоссальной сложности, не говоря уже о том, что его еще предстояло пригласить стать своим сикигами.

Поистине адская сложность, хотя сам он пока этого особо и не почувствовал.

— Братик... — тихий голосок прержал его размышления, и Ибараки посмотрел на него жалобным взглядом.

Чу Чжоу только теперь сообразил, что простоял здесь уже добрую малую долю времени, а Ибараки не мог перейти черту — неудивительно, что тот так расстроился.

Он торопливо шагнул вперед и подхватил бросившегося к нему Ибараки.

— Брат, то, что ты только что не смог пройти, произошло из-за меня, да?

Глядя на Ибараки, который во всем разобрался, Чу Чжоу некоторое время не знал, что ответить.

Ибараки крепко обнял его за шею, уткнувшись лицом ему в грудь, и Чу Чжоу даже уловил легкую влагу.

Помолчав в объятиях какое-то время, маленький Ибараки с заметным сожалением произнес:

— Брат, раз я не могу выйти наружу, ты ведь не забудешь меня?

Услышав это, Чу Чжоу на мгновение замер. Опустив взгляд на жалкий, полный мольбы взгляд Ибараки, он сообразил: оказывается, тот подумал, будто его собираются бросить.

Ему одновременно хотелось и улыбнуться, и отчаянно сжать сердце от жалости — этот милый малыш Ибараки был обречен вечно жить в тени, скрываясь от чужих глаз.

Он склонил голову, потершись подбородком о макушку Ибараки, крепче прижал его к себе и тихо проговорил:

— Никуда мы не пойдем. Брат намерен вечно оставаться рядом с маленьким Ибараки.

Мягкий лунный свет озарял землю. Чу Чжоу, обнимая Ибараки, возвращался назад тем же путем, а когда уставал — ставил его на ноги и шел рука об руку.

Ибараки то и дело поднимал голову, глядя на мягкий профиль Чу Чжоу в лунном сиянии, и в очередной раз убеждался, что любит брата больше всех на свете.

Когда они вернулись в деревню, уже светало, и некоторые жители начали подниматься по своим делам.

Чу Чжоу, держа Ибараки за руку, тихонько подошел к центру деревни и издалека заметил стоявшую у входа фигуру.

Это была жрица. Она мягко смотрела на него.

Он с некоторым колебанием приблизился, собираясь спросить жрицу, откуда ей все это было так хорошо известно, но тут же вспомнил, что она все равно не ответит, и оставил эту затею.

Проходя мимо жрицы, Чу Чжоу случайно задел ее одеяние и почувствовал ладонью холод. Удивленно обернувшись, он бросил:

— Вы...

Лицо жрицы оставалось кротким и улыбчивым, она лишь чуть-чуть отступила назад:

— Отдыхать идите.

Чу Чжоу молча смотрел на нее, пока Ибараки не дернул его за руку, и только тогда произнес:

— Отдыхайте тоже пораньше.